

и лаконичности такие летописные заметки вряд ли могли бы рассматриваться как произведения литературы, но с функциональной точки зрения они выходят и из рамок деловой письменности. Что же касается текстов Библии и Псалтири, то они представляли переводную литературу в полном смысле этого понятия, так же как и житийные произведения, которые в древнеславянской письменности появляются одновременно с переводами богослужебных книг. Следует подчеркнуть, что древнейшая кирилловская рукопись — Супрасльская — содержит именно жития святых, а одно из наиболее ранних упоминаний о русских книгах относится к житию чешского князя Вячеслава, которое св. Борис читал в первые годы XI в. Мне кажется, что в первые моменты своего проникновения в Восточную Европу славянское письмо шло сюда, вероятно, прежде всего в своей богослужебной функции в связи с христианской проповедью и уже после этого должно было служить целям делового, литургического и литературного характера. Между тем в процессе своего распространения в быту тогдашнего общества деловое применение славянского письма, вероятно, становилось все более частым и широким, тогда как его литературная функция была ограничена скромным трудом переписчиков древнеславянских произведений в узком кругу христианской общины. Только крещение Руси при Владимире поставило перед литературой новые культурно-общественные задания и этим определило путь для общей, широкой акклиматизации старославянской литературы в роли русской литературы.

Нужно думать, что именно в области деловой письменности, где приходилось употреблять местные выражения и привычную терминологию и где перо легче шло за навыками разговорной речи в фонетике и морфологии, в течение X в. выработывалась структура древнерусского письменного языка. В XI в. она формировала древнерусский тип литературного языка, который утвердился в деловой письменности и в литературных жанрах, стоявших в более тесной связи с бытом общества — в летописи, юридической литературе, частью в житиях и в произведениях поучительно-мемуарного характера вроде Поучения Владимира Мономаха и Моления Даниила Заточника. С другой стороны, под воздействием деловой письменности старославянский язык, который как общеславянский литературный язык пришел на Русь с церковной литературой и в течение столетий господствовал в богослужебной, религиозно-просветительской и церковно-юридической письменности, получил характер церковнославянского языка с русскими особенностями в фонетике и в формах склонения и спряжения. Процесс сближения и взаимовлияния между структурами старославянского и восточнославянского языков, по мнению В. В. Виноградова, развивался в течение XI в. с такой интенсивностью, что можно говорить об акклиматизации или ассимиляции старославянского языка на русской почве.²⁴

В. В. Виноградов ставит вопрос: когда речь идет о письменности эпохи древнерусской народности, можно ли говорить о двух литературных языках — церковнославянском языке русской редакции и литературно выработанном народном восточнославянском языке — о двух языках хотя бы и близких, но все же различных в смысле грамматики, лексики и семантической структуры? Или, имея в виду их близкое родство, существование общих грамматических и лексическо-семантических свойств и их взаимовлияние, целесообразнее рассматривать их лишь как два типа древнерусского литературного языка? В. В. Виноградов склоняется ко второму решению, так как, с точки зрения приведенных свойств, литературно выработанный тип народного литературного языка не отделяется от литературно-славянского типа как особый язык. В то же время в ту эпоху

²⁴ Виноградов, стр. 49.